

ТОВАР ЛИЦОМ

Вчера Макар Сизякин вернулся в город, где оставались домовничать его ребята-погодки Витька и Шурка. Пятиклассники. Макар был на заработках. С такими же, как сам, вольными людьми строил коровник. Бригадир свой человек, с понятием: досрочно выжал из председателя денежку, и вот дома Новый год встретить можно не с пустыми руками.

Домой Макар возвращался на попутном грузовике в кузове. И хоть валенки были, тулуп, а промерз до костей. День выдался морозный, ветреный. Сразу, как домой заявился, стал напускать в ванну горячую воду. А начав раздеваться, сунул Витьке десятку и турнул купить бутылку водки, пива, а на остатные деньги что-нибудь на закуску. Макару надо было прогреться и угостить Андреича — глуховатого старичка, соседа, который тут доглядывал за ребятами и квартирой.

Витьку не надо было учить. Таким, как он, водку еще не продают, но у Витьки глаз — ватерпас. Кого попало не просит. Сначала прицелится, определит... Ну а пиво и таким дают.

В квартире Макар нашел обычный разгром от бурной и бесконтрольной ребячьей энергии. И все же тут пахло жилым духом и даже по-своему было уютно. Казалось, и жена Макара, умершая два года назад от сердечной недостаточности, только что отлучилась куда-то, не успев прибраться. Так было, наверно, потому, что Андреич и две внучки его — Нюрка и Зойка — помогали Витьке с Шуркой.

Макар блаженствовал в ванне и, отогреваясь, размышлял. Вышло, что он изрядно покоптил белый свет, много успел пережить-испытать, много работ переделать. Был старшиной-сверхсрочником, шофером, кочегаром, грузчиком... Привык к перемене занятий и мест, выговорам и нотациям, подвохам и всяким превратностям жизни. Думал он про себя даже с некоторой гордостью, с удовлетворением. Чего уж там... Макар давно поверил, что человек он необыкновенный. Другой на его месте, может, давно уж загнулся или спился бы начисто. А Макар — вот он! Жив-здоров, не вешает носа. В свои сорок лет может другим пример подать. Зарабатывает, как бригадир выражается, не хуже «прохвэссора». Ребята растут. Орлы. Щеки красные. За себя постоят. Ничего, что в царапинах и ссадинах. Закалка. В жизни пригодится. И домовничают вот. Мастерят что хотят. Изобретатели...

Выйдя из ванной, Макар переоделся в чистое, праздничное и, рассматривая себя в зеркальной створке шифоньера, остался настолько доволен собой, что в груди трепыхнулось игривое: «Бабенку бы какую ни на есть...» И подмигнул сам себе.

Одно время Макар начал было полнеть. Жена, покойница, любила сладко поесть и мужа покормить, чтоб не хмелел в компании. А теперь на жилистой работе, на вольном воздухе да деревенских харчах Макар опять вошел в норму. Высок, прям. Мускулы отработал — ничего лишнего. Так что выправка, считай, гусарская. И, если бы не голос, никогда бы не подумал, что есть у него какой-то изъян. Но и голос — сущий пустяк для мужчины. Это уж кто как посмотрит.

Голос у Макара заклинило в шоферскую бытность, когда он, посадив машину в полынью, ждал выручки, обдалбливал лед и насквозь промочил одежду-обувку. Поначалу плохо говорил — шепотом. Потом — сипел. И наконец устоялся какой-то неблагозвучный, даже вульгарный голос, от которого самому противно. Его так и величали бригадные вольные люди: Крякаш, Макар-крякуха. Но дело, конечно, не

в звуке, а что и как сказано. Макар старался держать голос не только на бодром уровне, но чтобы и слова были интересные, чтобы видно было, каков есть Макар Сизякин.

«Не жили хорошо и начинать нечего!» — лихо может сказать Макар, подходя к незнакомым людям. Просто так. Пошутить, расположить к себе. Закурить спросить.

Или так пошутит: «Скажите, кто начал первый, и я укажу главного виновника!..»

То есть Макар был даже начитанным человеком и всякие интересные выражения из книг помнил. И ловко ввернуть их в разговор мог.

Он еще осматривал себя в зеркале, когда Витька вернулся из магазина.

— Во, батяня, Андреич был. Я ему деньги... Про тебя сказал. Зайдет...

— Зайдет, зайдет... Сейчас зови. И Зойку с Нюркой зови. И Шурку нашего. Бегают чертенята.

Через полчаса у Сизякиных было шумно. Макар открыл походный чемодан и выставил на стол четыре новеньких портфельчика, наполненных шоколадными конфетами. Ребятня сразу догадалась, в чем дело. Макар тоже знал этот народ. Вроде все одинаковое купишь, а обязательно найдут что-нибудь разное. У кого-то вроде лучше, у кого-то хуже. Вот уж где равноправие должно быть! Бывает, дерутся, не поделивши. Потому и упредил Макар, рывкнул, как в мегафон:

— Внимание! Внимание!..

И тут же тихо, ласково:

— Зоинька, пуговка. Ты у нас самая бесхитростная. Отвернись. Будешь говорить кому какой.

Зойка отвернулась, глаза ладошками закрыла, пальчики — в разные стороны.

— Кому?

Бедная Зойка хватала воздух, морщила лобик и никак не могла решить.

— Мне-е-е! — сказала наконец и сразу повернулась с открытыми глазами к столу.

Макар отдал ей портфельчик с конфетками, похлопал по плечу и велел снова отвернуться...

Когда подарки были розданы, Макар скомандовал, чтоб все бежали играть, а он да Андреич тихо-мирно побеседуют.

Ребятишки кинулись под порог одеваться. Шумели, толклись, спорили, куда бежать — на берег, где елку делали, или просто во двор, с горки кататься. Потом хлопнула дверь, и шум выкатился во двор.

Макар и Андреич просидели часов до одиннадцати, и тут только появились Витька с Шуркой. Все в снегу, ногами шаркают, глаза посоловелые. Умаялись. Молодцы...

Так было вчера. А сегодня шел последний день старого года. С утра Макар собирался замочить бельишко — свое и ребячье, потом отпарить в баке на плите, прокрутить в стиральной машине. Хотел, чтоб в Новый год все было чисто. Но как это бывает под праздники, в квартирах перестала течь вода. Когда-то Макар подозревал, что это кто-то специально вредит, чтоб испортить советским людям праздник, но оказалось, виноваты сами люди. Именно теперь, под праздник, тратили они воду безбожно. По-хорошему, надо бы загодя мыться-чиститься, а не так вот — перед самым праздником.

Макар отложил стирку. Но что-то все же беспокоило его. А когда глянул в окно и увидел на углу своего квартала, у колонки, народ с

ведрами и бидонами, понял, что и ему надо добывать воду — на ребят не надейся, до вечера в школе пробудут. А у колонки толпились почти одни женщины, в том числе — Томка-продавщица, смешливая толстуха, и загадочная соседка, что жила напротив Макаровых окон, через улицу, в деревянном домишке. До чего миловидная особа! Сколько раз Макар хотел поболтать с ней, себя показать лицом к лицу, а все не было случая. И вот случай, да еще какой!

Будь Макар похитрей, он, может, и раньше вышел бы к колонке, вот так, с ведрами. Она там часто бывала. Дескать, хочется этой водички попить, из колонки, а то в домашней больно уж много хлорки. Но ничего такого ему в голову не приходило, ведь вода у него была в квартире. А сейчас и врать не надо было. Все кстати. И Томка кстати. С женой Макара когда-то работала. Можно говорить исключительно с Томкой, а все слышать будут. И она — загадочная соседка — тоже. И узнает она, что Макар холост, и, если не дура, поймет, какой он мужчина!

Макар поспешно собрался, одевшись несколько небрежно, но празднично. А для поддержания тонуса выпил стакан водки, оставшейся от вчерашнего дня.

— Здорово, граждане женщины-молодушки! — лихо, как на параде, приветствовал он народ, подходя к колонке с двумя большими ведрами и коромыслом. — С праздником вас!

— Спасибо... И вас... — вяло ответили, вразнобой, да и то не все. А миловидная только открыла полные губки, дыхнула парком и... ничего не сказала.

«Знает себе цену, шельма!» — восхитился Макар и опять пошутил. Дескать, плохо отвечали. В армии не служили...

На этот раз и вовсе не нашлось охотников вступать в разговор, и Макар понял, что надо менять пластинку.

— Вот так у нас и получается, граждане! Как праздник, так водички нет. Водка есть, пожрать есть, а водички не хватает. А? Правильно я говорю, красавица?!

Макар возвышался среди женского «народа» и, чуток склонясь, шурясь и улыбаясь, в упор смотрел на соседку.

На этот раз и она глянула на него, усмехнулась. И все. Но Макару и этого было достаточно. Он был оптимист. «Ништя-ак! Все идет нормально!..»

— А что же ваш муженек? Сам, понимаешь, не пошел по воду? А?

— Не пошел, — просто сказала она.

На ней была легкая дубленка, брючки, туфельки лакированные, ондатровая шапка. «По воду пришла, а вырядилась! — отметил Макар. — Холостячка. Впрочем, и я тоже...»

— Нехорошо, нехорошо с его мужчинской стороны!..

В таком вот духе и говорил Макар то с одной, то с другой. Парнишки, стоявшие в очереди, его не интересовали. Он их — тоже. Макар не умолкал, стараясь выдать что-нибудь лихое, веселое. Чего греха таить: хотелось в выгодном свете показаться.

А она... Она была не так уж молода. Лет тридцати. В самый бы раз Макару. А что? Пора бы ему и вторую супругу занять! Два года в бобылях. Не ждать же, когда песок посыплется?!

Макар был уверен, что слушать его интересно. И не только в очереди, но даже — проходим. Им тоже было слышно. Этаким оратор, гудок! Придут домой и скажут: «Там у колонки один мужчина... так интересно говорил! И собой... как артист!..»

И к Томке-продавщице Макар не забывал обращаться. Даже пле-

чом притрагивался. Подмигивал. «Томочка, помнишь?..» «Ах, Томочка!..» «А помнишь, как бывало?!» А, в сущности, и ничего такого не бывало, и помнить она не помнила. Да и Макару не это было важно. Важно, чтоб народ слышал, и вообще... Чтоб ясно было, какой человек Макар, как уважают его, слушают, тянутся к нему. Томка, бабенка себе на уме, смекнула, на кого Макар «косяка давит» — на красотку эту, в ондатровой шапке и лакированных туфельках. И хотела вроде даже помочь Макару, поддерживала игривый разговор, намекала на что-то.

Очередь большая. Водичка течет тоненькой струйкой. Пока ведро наберешь! Со всеми можно перезнакомиться. И день выдался хороший, отмякла погодка, ветер переменялся, с юга подул. Откуда-то взялись полупрозрачные, почти летние облака. Солнцу они не мешали, и оно глядело сквозь них ласковей обычного. Даже вешнее, многообещающее было что-то вокруг. Стоять не холодно. Макар, как пришел нараспашку, в легком пальто и хромовых сапогах, так и стоял-рисовался эдаким франтом. И говорил, говорил, говорил — громко и, как ему казалось, умно, лихо. Где только можно было словечко вставить, там и вставлял.

— Не жили, Томочка, хорошо и начинать нечего! Правда же?! — И подмигивал, подмигивал соседке: — Правда, красавица?

Когда речь зашла о том, как быстро нынче дети растут, Макар и тут ввернул интересное словечко, научное:

— Акселерация, граждане, акселерация! Что вы хотите?! Понимать надо.

Да что «акселерация»! Даже из евангелия Макар ухитрился кое-что в разговор вставить:

— Делай людям то, что сам хочешь от них получать! А?.. Тоже ведь, соображали апостолы. Или взять нас. Что мы хотим-желаем, граждане, что? Да очень немногое. Любовь, уважение, заботу... Вот и все.

При этих словах соседка глянула на него с настоящим любопытством.

— Вот, когда была жива еще жenuля... Помнишь, Томочка...

Дальше Макар все поддавал и поддавал звуку, потому что соседка уже наполнила ведра, подняла их на коромысло.

— Помнишь, как весело жили мы! Уважение — сто процентов!..

А соседка уходила. Уходила наискось, через дорогу, к своему деревянному домишку и этак... покачивалась, чтоб воду не разлить, что впору было Макару скулянуть по-собачьи. Ему даже стишок, сочиненный бог знает кем, припомнился: «Покачивая бедрами, тревожа мужиков, идут доярки с ведрами доить своих коров...»

Когда уж близко была его очередь, она опять пришла по воду. «Видать, семейка у нее!.. Вода требуется...» Первое, что хотелось Макару, — это уступить ей очередь. Но что толку? Сейчас же нальет ведра и уйдет. Лучше уж так. Задержаться еще и сказать что-нибудь.

Вот тут-то и появился Андреич с детским ведерком. Обрадовал.

— Граждане, — трибунно прохрипел Макар, — неужели старому человеку с одним ведерком, с детским, позволим стоять в очереди?! Уступим, граждане!..

Побурчав и повздыхав, очередь разрешила Андреичу стать впереди Макара.

Кстати пришел соседка! Ох, кстати! Томка-продавщица ушла и не появлялась больше. Не с кем было так свободно разговаривать. А Андреич, вот он. Опять говори, сколько хочешь, обращай на себя внимание,

— Вишь, всю ночь вода бежала, — указал Андреич на лед и лужу вокруг. — Не застыла. Ночь теплая была, к утру-то.

— Голову бы им оторвать, — подхватил Макар, имея в виду водопроводчиков. — Разве это порядок?! Подойти нельзя. Хорошо, что я в сапогах. А если, вон, в лакированных туфельках?!

— Я, вечер забыл сказать, — тянулся Андреич к уху Макара. — Твои орлы, говорят, в каком-то подвале моркошку надыбали. Таскают, как зайчишки, понимаешь. Приструнил бы. А то люди всякие...

Про своих «орлов» Макар тоже успел тут доложить. Прекрасные ребята! Все в отца. Изобретатели!.. И вот опять был повод обратить на них внимание, возвысить.

— Моркошка? Морковка? Да на фига она им сдалась? Какая-то там моркошка?! Они у меня, вон, те-ле-визор в школе тяпнули! — пользуясь глухотой Андреича, громче обычного докладывал Макар. — До винтика разобрали! Пожелали узнать, как там оно устроено. А ты... морко-ошка...

Хорошо Макар выдал про ребят своих, ох, хорошо, с юмором! Вся очередь оживилась. И соседка — тоже.

Но вот и он наполнил ведра. Небрежно поддел коромыслом и, чуть присев, одной рукой поднял на правое плечо. И не как другие пошел — будто коровы на льду, — а широким, уверенным шагом, прямо через лужу. И тут, конечно, хотелось показаться с лучшей стороны — товар лицом. Дескать, все это сущие пустяки для Макара. Пошел он этак, пошел и вдруг... Вдруг как корова языком слизнула — очутился на мокром льду плашмя. Очередь охнула, шумнула и стихла сочувственно. Был в этом общем вздохе и возглас соседки: «Ой, какая жалость!..» Но Макар не слышал. Иначе бы он сразу же отозвался как-нибудь.

Торкнувшись о твердое, ведра железно тявкнули и выдали кудрявые высокие фонтаны. Ничего не осталось в них. А подвела Макара маленькая льдинка, скользившая, как шайба, поверх мокрого льда.

Встал Макар с растерянным, конфузливо-мальчишечьим выражением на лице, развел руками.

— Товарищи!.. Ну! Вы же сами видели, ну, не думал ведь, не гадал, товарищи!

И начал, и начал объяснять да убеждать, что он не нарочно, что это сверхъестественный какой-то случай, что здесь хоть кто бы...

А вовсе и не надо было объяснять. И так все ясно. И так все сочувствовали Макару, хотя кое-кому он и надоел уж своим хмельным гусаковатым хрипом.

— Да набирай ты! Набирай же! — стали кричать. — Чего уж. Без воды пойдешь, что ли? Набирай без разговору!..

— Спасибо, спасибо... Ой!.. — И Макар приложил руку к сердцу, головой закрутил. — Вот это юмор! Ну кто бы мог подумать?! Ну...

Казалось, из Макара и хмель повылетел, и, пока наполнялись ведра, он все объяснял, все сокрушался, как это он...

— Вот спасибо вам! Во-от спасибо! — сказал он наконец, поддевая коромыслом наполненные ведра.

И опять... Так же прямо. Тем же бравым шагом. Так же твердо и наперекор всему и всем пошел по тому же самому месту, приговаривая:

— Ну. Вот так вот пошел. Без всяких пошел, понима...

И тут — это ж надо! — произошло то же. Опять Макар очутился на льду, и опять из ведер фонтаном взметнулась вода.

— Ничего. К счастью, — весело поддержал кто-то Макара.

Но теперь Макар ничего не сказал. Молча подобрал ведра, су-

нул коромысло под мышку и, не оглядываясь, пошел прочь. Он ждал, что сзади грянет хохот, шум, подначки. Нет. Никто не смеялся. Многим даже грустно как-то сделалось. Очередь жалела Макара, очередь молчала. Макар тоже молчал. И только уж за углом дома, в котором он жил, Макар опять воспрянул. Там он приободрился и пошел гоголем. И опять слышался на всю улицу его мегафонный хрипчатый голос: «Ништя-ак!.. Сейчас переоденемся...» Макаров голос торкался в стену соседнего здания, отскакивал, долетал до высоких тополей парка через улицу и там, пометавшись, начинал утихать, но Макар поддавал снова. Макар ругал водопроводчиков.

